

Оригинални научни рад
УДК: 327.5(497)"1933/1935"
327:355(47:44)1935"
DOI: 10.5937/zrffp53-42499

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ НА БАЛКАНАХ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКО- -ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ О ВОСТОЧНОМ ПАКТЕ (1933–1935 ГГ.)

Александр АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЕРШИНИН¹
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет

¹ averchinine@gmail.com

Рад примљен: 28. 1. 2023.

Рад прихваћен: 23. 3. 2023.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ НА БАЛКАНАХ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ О ВОСТОЧНОМ ПАКТЕ (1933–1935 ГГ.)

Ключевые слова:
Восточный пакт;
советско-
французский пакт
о взаимопомощи
1935 г.;
Малая Антанта;
Балканская
Антанта;
М. М. Литвинов;
Л. Барту;
коллективная
безопасность.

Аннотация. Автор статьи отстаивает тезис о том, что Балканы, не являясь регионом, непосредственно фигурировавшим в контексте переговоров о Восточном пакте между СССР и Францией в 1933–1935 гг., играли важную роль с точки зрения его конечной реализации. С точки зрения Парижа они брали на себя роль краеугольного камня сложной системы коллективной безопасности, обеспечивающего взаимосвязь между ее средиземноморской и восточноевропейской зонами. Москва рассматривала балканский регион как потенциальные ворота антисоветской интервенции и была заинтересована, посредством встраивания во французскую систему, добиться укрепления там своих позиций. Вместе с тем, нормализация отношений между СССР и балканскими странами позволяла советскому руководству оказывать на Францию дипломатическое давление. К концу 1933 г. стороны нашли взаимоприемлемый сценарий дипломатического сближения, который позволил планировать долгосрочную стабилизацию отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе в 1934 г. Однако убийство Л. Барту в октябре 1934 г. и новый курс его преемника не позволил этому процессу успешно завершиться, хотя он и позволил СССР добиться дипломатического признания со стороны ряда балканских государств.

В обширной историографии, посвященной советско-французским попыткам создать общую систему безопасности в Восточной Европе перед лицом германского экспансионизма в первой половине 1930-х гг., сравнительно слабо освящена проблема балканского региона.² Причины подобного положения дел понятны: из всех балканских государств лишь Румыния имела стратегическое значение в контексте замышлявшегося Парижем Восточного пакта, так как имела общую границу с Советским Союзом. Впрочем, важность позиции Бухареста в данном контексте хотя и признавалась, но никогда не переоценивалась. Во-первых, потому, что ключевым партнером с точки зрения связанности, а, следовательно, эффективности Восточного пакта и в Париже, и в Москве виделась Польша. Во-вторых, ввиду того, что советско-румынские отношения имели, во многом, самостоятельную логику развития, в центре которой всегда стояла бессарабская проблема (Айрапетов, 2020, сс. 226–229).

Подобный подход оправдан лишь в том случае, если речь идет об изучении Восточного пакта как самостоятельного явления с сугубо военно-политической точки зрения. Однако ситуация меняется при расширении концептуальной рамки анализа. Восточный пакт представлял собой лишь один из элементов, хотя и ключевой, большого проекта реконфигурации общеевропейской системы коллективной безопасности, предложенного французской дипломатией на фоне роста военной угрозы со стороны Германии. Одним из главных условий его реализации являлся всеохватывающий характер – органичная связь между всеми ее составными элементами системы и их подчиненность единой внутренней логике. Периферийные зоны региональных блоков мыслились как регионы, где пересекались подсистемы безопасности, переходя друг в друга.

Рассматриваемые под этим углом зрения, Балканы превращаются в важнейший регион для воплощения в жизнь всего французского внешнеполитического замысла – восстановить европейское равновесие, нарушенное выходом Берлина из Лиги Наций в октябре 1933 г., создав

² См. обзор историографии в: Вершинин, 2022.

Проблема безопасности на Балканах в контексте советско-французских переговоров о Восточном пакте (1933–1935 гг.)

на востоке и юге Европы аналоги Локарнской модели безопасности. Восточный пакт, Средиземноморский пакт, Малая Антанта, Балканская Антанта задумывались как части большого пространства коллективной безопасности, которое должно было окружить Германию и Италию, лишив их пространства дипломатического маневра с целью разобщения и изоляции своих потенциальных противников, а также в целом ограничить их возможности по ведению агрессивной внешней политики. Балканы, таким образом, брали на себя роль краеугольного камня этой сложной комбинации, обеспечивающего взаимосвязь между средиземноморской и восточноевропейской зонами безопасности.

Для советской дипломатии балканский регион, за исключением Румынии, долгое время находился на втором плане. «К концу первого десятилетия отношений Советов с окружающим миром вполне определился отказ России от Черноморской и Балканской ориентации предвоенного и военного времени, о лучшем хранителе Проливов, чем кемалистская Турция, думать пока не приходилось. Бывшие российские союзники и клиенты находились на периферии забот Кремля» – поясняют причины подобного положения дел российские историки О. Н. Кен и А. И. Рупасов (2000, с. 87). Вместе с тем, нельзя не согласиться с А. А. Улуныяном: как в наркомате по иностранным делам (НКИД), так и в Коминтерне Балканы рассматривались как точка пересечения «коммуникационно-территориальных интересов целого ряда государств», прежде всего крупных империалистических держав, враждебных Москве (Улуныян, 1997, с. 117). В международных раскладах Кремля балканский регион долгое время фигурировал в качестве очага классовой борьбы. Идеологические соображения хотя и теряли характер доминирующих во внешнеполитических воззрениях советского руководства, но продолжали во многом определять его картину мира (Aganson, 2020, сс. 5–7).

Последние два обстоятельства в начале 1930-х гг. заставляли руководство СССР смотреть на Балканы как на возможное направление интервенции против Советского Союза. Отношения с государствами региона оставались напряженными и на официальном уровне отсутствовали до 1934 г. (кроме Греции, признавшей советскую власть в 1924 г.). Главной силой, использующей Балканы в качестве форпоста антисоветской политики, виделась Франция, а интеграционные объединения балканских стран – как потенциальные антисоветские блоки. Во многом, это соответствовало действительности: «Представление о Малой Антанте складывалось после ее создания в начале 20-х годов из двух основных компонентов – антиревизионизма и антибольшевизма. Причем под последним подразумевалось как участие в создании „санитарного кордона“ на границах Советской России, так и подавление революционных движений в своих и соседних странах» (Чубарьян, 1992, с. 141).

В начале 1932 г., в ответ на активизацию германской политики в Центральной Европе и проект германо-австрийского таможенного союза, глава правительства Франции А. Тардьё выдвинул проект объединения дунайских государств, включая государства Малой Антанты, Австрию и Венгрию, в единый экономический блок (Wandycz, 1988, с. 222). Советский полпред в Вене К. К. Юренев видел в плане Тардьё угрозу: «нам опасна всякая, хотя частичная стабилизация капиталистических государств, особенно если она совершится под руководством Франции».³ Любая консолидация центральноевропейского ядра виделась как предпосылка будущих враждебных действий против СССР. Особенно опасным в Москве виделся тот факт, что все интеграционные проекты с участием балканских стран обсуждались без участия Советского Союза. Попытки НКВД через посредничество Италии поставить вопрос о привлечении СССР к переговорам об экономической интеграции дунайских государств окончились ничем.⁴ В Кремле, впрочем, переоценивали как перспективы подобного объединения, так и степень влияния Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе в начале 1930-х гг. (Allain, 2000, сс. 351–359). Но к моменту прихода к власти в Германии нацистов и резкого роста военной опасности на континенте было понятно, что стабилизация международных отношений в этом ключевом для безопасности Европы регионе прямо зависит от нормализации советско-французских отношений.

В начале 1930-х гг. советская дипломатия приходила к выводу о том, что в новых международных условиях оставлять без внимания балканский регион – значит создавать у себя под боком опасный вакуум. Германия больше не являлась благожелательно настроенным нейтралом: «эпоха Рапалло» осталась в прошлом. Берлин превращался в потенциальный центр консолидации антисоветской коалиции. Пересмотр политики в отношении стран к западу от советской границы становился насущной необходимостью, причем этот процесс шел параллельно пересмотру отношений с Францией, которая из главного вдохновителя потенциальной интервенции превращалась в ключевого партнера по обеспечению европейской безопасности. В реалиях 1933 г. эти два направления развивались параллельно и влияли друг на друга.

Первым важным эпизодом, обозначившим новую политику Москвы на Балканах, стали переговоры о создании в Европе нового механизма урегулирования конфликтов и поддержания международной стабильности. В марте 1933 г. Италия выступила с двумя важными инициативами: признать за Австрией, Венгрией и Болгарией равноправие в вооружениях, осуществив ревизию границ в Центральной и Юго-Восточной

³ ДВП. Т. 15. М., 1969. СС. 194–199.

⁴ Там же. СС. 497–498.

Европе в пользу Венгрии и Германии и пересмотрев статус-кво в бассейне Адриатики за счет Югославии, а также сформировать «директорию» в составе Франции, Великобритании, Германии и самой Италии, которая бы взяла на себя ответственность за пересмотр подписанных договоров.⁵ В Париже итальянский план был принят за основу для обсуждения. Французы, как они сами считали, имели на то свои причины: речь шла о том, чтобы «спасти» переговорный формат на международной конференции по разоружению в Женеве после того, как германская делегация заняла там жесткую позицию, потребовав окончательного решения вопроса о вооружениях (Duroselle, 1979, сс. 92–93).

Страны Малой Антанты, прежде всего Румыния и Югославия, восприняли франко-итальянские переговоры как угрозу собственной безопасности. Возможный пересмотр границ, прежде всего, затронул бы именно эти страны. К лету 1933 г. французская дипломатия серьезно трансформировала проект «пакта четырех», сняв с повестки дня его ревизионистскую направленность и сделав акцент на недопущении Аншлюса. В таком виде договор был подписан 15 июля в Риме. Однако все это не только не сняло озабоченности балканских стран, но и способствовало росту советских опасений. С точки зрения Москвы «пакт четырех» выглядел как типичный инструмент империалистической антисоветской политики: объединившись, главные капиталистические державы Европы могли урегулировать разделявшие их противоречия за счет других стран, а в конечном итоге – за счет Советского Союза, который не был приглашен в создаваемую «директорию».

СССР, Югославия и Румыния, а также государства Восточной Европы (Польша, Чехословакия), таким образом, оказывались естественными партнерами в деле недопущения франко-итальянского и франко-германского сближения. Это обстоятельство стало для них важным стимулом к решению застарелых противоречий. В июле на экономической конференции в Лондоне главы МИД Югославии и Румынии в числе министров иностранных дел других стран Восточной и Юго-Восточной Европы подписали вместе с советским наркомом по иностранным делам М. М. Литвиновым предложенную им ранее конвенцию об определении агрессии, приравнивавшуюся к пакту о ненападении. Значение этого события было велико: об установлении официальных дипломатических отношений между Советским Союзом и государствами Малой Антанты речи еще не шло, но косвенное признание состоялось, чему не помешал даже неурегулированный бессарабский вопрос, который был фактически вынесен за скобки соглашения (Дюллен, 2009, с. 40).

Лондонские соглашения означали прорыв и в советско-югославских отношениях, ранее испытывавших на себе серьезное влияние политических

⁵ DDF. T. 3. Paris, 1967. PP. 15–16.

и идеологических разногласий. Как пишет сербский историк А. Животич, «в июне 1933 г. генерал Душан Симович [...] в своих заметках отмечал, что в рамках своих еженедельных докладов королю Александру он по крайней мере дважды предлагал, что было бы хорошо иметь дипломатические отношения с Советским Союзом как ответ на итальянские угрозы и все более частые попытки Германии внести изменения в международные соглашения и европейский порядок» (Животич, 2019, с. 62). Для балканских стран сближение с СССР являлось ответом Франции, наглядной демонстрацией своей стратегической самостоятельности. Москва, налаживая связи с Малой Антантой, также рассчитывала на благоприятное для себя изменение внешнеполитического курса Парижа.

6 июля 1933 г. Литвинов в Париже встретился с председателем правительства Э. Даладье и министром иностранных дел Ж. Полем-Бонкурром. Нарком предложил французам присоединиться к Лондонской конвенции и заключить с СССР негласный договор об обмене информацией.⁶ Поль-Бонкур приветствовал сближение Советского Союза с Малой Антантой, упомянув о готовности Кэ д'Орсэ (МИД Франции) содействовать восстановлению дипломатических отношений между ними. Посол в СССР Ш. Альфан настаивал на расширении отношений с Советским Союзом и созданию блока в составе Франции, Польши, Малой Антанты, СССР и Турции, который был бы способен противостоять ревизионистскому лагерю.⁷ Однако в целом советские инициативы были восприняты неоднозначно. На фоне внешне примирительной риторики Гитлера и стремления Великобритании вдохнуть новую жизнь в диалог между Парижем и Берлином руководство Третьей республики сохраняло определенные надежды на соглашение с Германией. Его позиция начала меняться лишь в октябре, после того, как Гитлер, констатировав нежелание победителей в Первой мировой войне идти на его условия в вопросе германских вооружений, объявил о выходе из Женевских переговоров и прекращении членства Германии в Лиге Наций.

«Пакт четырех» полностью утратил актуальность: официально подписанный, он так и не был ратифицирован французским парламентом и не вступил в действие (Чубарьян, 1992, с. 142). Однако и политика коллективной безопасности с участием Германии окончательно шла под откос. Ее реанимация требовала реформирования всей системы соглашений и пактов, заключенных Парижем на протяжении за предшествовавшие годы. Страны Восточной и Юго-Восточной Европы были разочарованы колебаниями французской политики. Для восстановления позиций Франции в регионе требовались новые подходы. В этой

⁶ ДВП. Т. 15. М., 1969. СС. 416–417.

⁷ DDF. Т. 4. Paris, 1968. PP. 427–433.

непростой ситуации Поль-Бонкур принял решение о качественном повороте в отношениях с Москвой. 20 октября в беседе с советским полпредом в Париже В. С. Довгалевским он впервые допустил возможность заключения советско-французского союза. В течение ноября этот замысел подробно обсуждался и выкристаллизовался в проект регионального пакта о взаимопомощи (Восточный пакт), который предполагал вступление СССР в Лигу Наций и подключение к соглашению стран Центральной и Восточной Европы (Вершинин, 2022, с. 179). По итогам длительных консультаций Политбюро ЦК ВКП(б) 19 декабря согласовало резолюцию, в которой французские предложения, в принципе, одобрялись. СССР соглашался вступить в Лигу Наций и заключить «региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии» в случае выполнения ряда условий, ключевым из которых являлось подключение к советско-французскому пакту о взаимопомощи восточных соседей СССР.⁸

Югославия и Румыния не фигурировали в качестве участников Восточного пакта, вероятно, «чтобы не вовлекать Францию и СССР в эвентуальные итало-югославский и венгеро-румынский конфликты» (Пеганов, 2015, с. 183). Однако в новом формате системы коллективной безопасности им выделялось важное место. В конце января 1934 г. Кэ д'Орсэ, проанализировав советские предложения от декабря прошлого года, констатировало, что без вступления СССР в Лигу Наций, Франция, учитывая обязательства по Локарнским соглашениям, практически не сможет оказать ему помощь против Германии. В сложившейся ситуации МИД предлагал активизировать посреднические усилия по заключению пактов о взаимопомощи между СССР, Польшей и Малой Антантой. Франция выражала готовность присоединиться к договору о консультациях, который бы дополнял соответствующие пакты о взаимопомощи.⁹

То, что в октябре 1933 г. предлагал советскому полпреду Поль-Бонкур, предполагало перенастройку системы коллективной безопасности: если раньше она балансировалась за счет сотрудничества Парижа и Берлина, то после демаршей германских правительств в 1932–1933 гг. на смену ему должна была прийти связка «Париж – Москва» (Dessberg, 2009, сс. 322–327). Советские ответные предложения исходили из тезиса о том, что Восточный пакт образует сплошную полосу безопасности вдоль западной границы СССР.¹⁰ Балканы должны были стать частью этого пространства. Югославия, Румыния, а в перспективе и другие страны региона также

⁸ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. (2001). СС. 305–306.

⁹ DDF. T. 5. Paris, 1970. PP. 535–542, 677–679.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 05. Оп. 14. П. 101. Д. 98. Л. 43–44.

выигрывали, значительно укрепляя собственную безопасность за счет гарантий сразу нескольких великих держав. Бухарест проявлял особую активность, так как рассчитывал окончательно урегулировать бессарабскую проблему. Югославия вела себя осторожнее ввиду сложной истории взаимоотношений с Советским Союзом и отсутствия у ее руководства конкретных причин форсировать события (Животич, 2019, с. 63). В конце января 1934 г. на сессии Постоянного совета Малой Антанты в Загребе по инициативе главы МИД Румынии Н. Титулеску было принято принципиальное решение «возобновить нормальные отношения с СССР» (Айрапетов, 2020, с. 230).

В рамках своего нового внешнеполитического курса французы поддержали создание 9 февраля 1934 г. союза балканских государств – Балканского пакта (Балканской Антанты) – в составе Турции, Греции, Югославии и Румынии. В отношении него советская позиция определялась прежними представлениями о том, что любой региональный блок, созданный без участия СССР или без учета его интересов, являлся потенциальной угрозой. В ситуации, когда предпосылки к урегулированию бессарабской проблемы лишь создавались, большой союз с участием Румынии не мог не рассматриваться как потенциально несущий с собой опасность для Советского Союза. По поручению Литвинова полпред в Анкаре прямо заявил турецкому правительству, что Балканский пакт «выходит за пределы Балкан и эвентуально гарантирует бессарабскую границу».¹¹ Полпред в Греции сообщил греческому министру иностранных дел: «Отношение Советского правительства к [Балканскому] пакту продолжает оставаться весьма скептическим. Если мы не возражали против подписания пакта, то это не значит, что мы его одобряем [...] Мы продолжаем расценивать пакт отрицательно с точки зрения интересов всеобщего мира и умиротворения Балкан».¹²

Для того чтобы изменить это отношение, от французской дипломатии требовались усилия. В феврале 1934 г. МИД Третьей республики возглавил Л. Барту, который после определенных колебаний, связанных с последними попытками вернуть Германию в переговорный формат и опереться на британскую поддержку, занялся дальнейшим развитием той комбинации, которую предложил Поль-Бонкур. Вопреки часто встречающемуся мнению, Барту не являлся сторонником военно-политических альянсов на подобие тех, которые существовали до Первой мировой войны (Young, 1991, с. 218). Он полагал, что залог безопасности Франции кроется в совершенствовании Локарнской системы и ее превращении в общеевропейский договорной комплекс. К апрелю 1934 г. по поручению Барту аппарат Кэ д'Орсэ разработал уточненный проект регионального пакта о взаимопомощи, который был представлен советской стороне.

¹¹ ДВП. Т. 17. М., 1971. С. 130.

¹² Там же. С. 146.

Согласно плану, СССР, Германия, Польша, Чехословакия и прибалтийские страны заключали пакты о взаимопомощи. Возникла система т. н. Восточного пакта или восточного Локарно, зеркальная западному Локарно, оформленному в 1925 г. договорами, закреплявшими германо-бельгийскую и германо-французскую границы под гарантии Великобритании и Италии. Франция и СССР подписывали отдельный пакт о взаимопомощи, по которому Москва брала на себя гарантийные обязательства в отношении Парижа, аналогичные тем, которые несли Лондон и Рим по Локарнским соглашениям, а Париж давал гарантии Москве на тот случай, если она окажется втянутой в конфликт, выполняя условия восточного Локарно. Всю эту замысловатую конструкцию должен был венчать общий договор, вписывающий ее в рамки Лиги Наций. Предлагая Советскому Союзу столь сложный проект, французы решали центральную задачу, вытекавшую из всей их предыдущей политики: сближение с Москвой помещалось в строгие рамки коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций с соблюдением Локарнских соглашений. Автоматизм действия советско-французского пакта не предполагался: чтобы прийти на помощь друг другу, Москва и Париж согласно Уставу Лиги Наций должны были заручиться формальным согласием Совета Лиги или получить свободу рук в том случае, если Совет не приходил к общему мнению, но не раньше (Белоусова, 1976, с. 179).

20 апреля Барту в беседе с советским поверенным в делах М. И. Розенбергом сообщил, что он готов к продолжению переговоров, начатых Поль-Бонкурром. При этом он добавил, что Румыния также хотела заключить с СССР некое соглашение.¹³ Розенберг полагал, что Малая Антанта попытается присоединиться к механизму взаимопомощи, что обяжет СССР страховать ее от Венгрии и Италии. Однако замысел Барту был масштабнее. В дополнение к Восточному пакту он выдвигал идею заключения Средиземноморского пакта с максимально широким кругом участников — Франция, Великобритания, Италия, Югославия, Греция, Румыния, Болгария и СССР. В основе Средиземноморского Локарно должно было лежать соглашение между Югославией и Италией (Рябоконе, 1977, с. 20). Создать столь широкую комбинацию было нелегко. Противоречия между Малой Антантой, Венгрией и Италией сохранялись. Пытаясь поставить барьер на пути новой попытки Аншлюса, Франция закрывала глаза на итало-австро-венгерское сотрудничество, что, в свою очередь, не нравилось Бухаресту и Белграду (Волков, 1966, с. 36). Привлечь СССР к многостороннему формату также составляло проблему. Барту делал ставку на тесный диалог с Москвой в рамках переговоров о Восточном пакте.

18 мая в Женеве Барту и Литвинов согласовали основные параметры Восточного пакта в духе предложений Кэ д'Орсэ. Вопрос о присоединении

¹³ ДВП. Т. 17. СС. 279–280.

к нему Малой Антанты не ставился, однако французский министр отметил, что ее участники двигались в сторону признания СССР: «переговоры о Восточном пакте шли „рука об руку“ с подготовкой нормализации между СССР и Малой Антантой» (Пеганов, 2015, с. 187). 8 июня в Женеве Барту передал своему советскому коллеге проект Восточного пакта и подчеркнул необходимость начала прямых переговоров между СССР и его потенциальными участниками. Москва обозначила свои сомнения, связанные с неясной позицией Польши и очевидно отрицательной позицией Германии в отношении планировавшегося соглашения, однако выразила принципиальную готовность идти по пути переговоров. В день встречи Барту с Литвиновым идею Восточного пакта поддержал глава МИД Чехословакии Э. Бенеш. 9 июня Прага и Бухарест объявили об официальном признании Советского Союза. Югославия, однако, продолжала держать паузу (Животич, 2019, с. 64).

В конце июня Барту отправился в турне по столицам стран Восточной и Юго-Восточной Европы с целью дальнейшего обсуждения идеи общеевропейского Локарно. В Румынии и Югославии он делал особый акцент на необходимости дальнейшего сближения правительств этих стран с СССР (Айрапетов, 2020, с. 255). В начале июля французский министр в Лондоне добивался от Великобритании принципиального согласия на дипломатическую комбинацию с участием СССР. Литвинов в свою очередь выступал с заявлениями в поддержку проекта Барту.¹⁴ Доклады советской разведки за это время достаточно точно указывают на то, как в Москве смотрели на долгосрочную перспективу Восточного пакта. По итогам июньских переговоров глав советского и французского внешнеполитических ведомств в Женеве ИНО ОГПУ сообщал, что «тактика Барту-Литвинова была понята [поляками – А. В.] так, что наступает реальность союза СССР с Францией, Малой Антантой». «В случае если такой союз был заключен, – говорилось в донесении, – Польша открыто разрывает свой союз с Францией и также открыто заключает польско-германский военный оборонительный союз, направленный против СССР, Франции и Малой Антанты».¹⁵

Попытка нацистского путча в Австрии 25 июля еще раз продемонстрировала, насколько нестабильной является обстановка в Центральной Европе. Итальянские военные меры, направленные на недопущение Аншлюса, вызвали тревогу в Белграде и заставили Югославию предпринять ответные действия (Волков, 1966, сс. 53–54). Барту форсировал события. В сентябре он лично руководил процессом принятия СССР в

¹⁴ ДВП. Т. 17. С. 410.

¹⁵ Хаустов, В. Н., Наумов, В. П., Плотникова, Н. С. (сост.). (2003). Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М. СС. 534–535.

Проблема безопасности на Балканах в контексте советско-французских переговоров о Восточном пакте (1933–1935 гг.)

Лигу Наций. 13–14 сентября 1934 г. в Женеве состоялись совещания министров иностранных дел стран Малой Антанты, участники которого высказались за скорейшее заключение Восточного пакта. В те же дни Совет Балканской Антанты опубликовал коммюнике, в котором заявлялось, что члены этого пакта будут голосовать за принятие Советского Союза в Лигу Наций, и содержалось одобрение Восточного и Средиземноморского пактов (Рябокоть, 1977, с. 27).

18 сентября СССР вошел в Лигу Наций, заняв кресло постоянного члена ее Совета. 8 сентября Германия официально заявила о своем отказе от участия в Восточном пакте. 27 сентября Барту получил из польского МИД меморандум, в котором подчеркивалось, что участие Берлина в региональном соглашении о безопасности является обязательным условием присоединения к нему Варшавы (Dessberg, 2009, с. 349). Проект Восточного пакта переживал момент истины. Барту готовился к заключению пакта без участия Германии, надеясь все же привлечь к участию в нем Польшу и одновременно готовил проект многостороннего соглашения, в которое должны были войти Франция, Италия и страны Малой Антанты (т. н. Дунайский пакт). На октябрь намечался визит во Францию короля Югославии Александра I. По его итогам Барту собирался отправиться в Рим, чтобы добиться там итало-югославской договоренности (Савинова, 2019, сс. 94–95). Гибель короля и министра в Марселе 9 октября в результате террористического акта не позволила реализоваться этим планам.

Все указывало на то, что к убийству были причастны спецслужбы гитлеровской Германии (Айрапетов, 2020, с. 256). В Москве в этом не сомневались. Известие о происшествии в Марселе вызвало резкую реакцию И. В. Сталина. «По-моему, убийство Барту и Александра, – говорилось в его шифртелеграмме В. М. Молотову и А. А. Жданову от 12 октября, – дело рук немецко-польской агентуры». По мнению генерального секретаря, покушение имело целью изменить курс французской внешней политики. «Это для меня ясно»,¹⁶ – подытоживал он. Сталин был недалек от истины. Преемник Барту П. Лаваль, в целом, не собирался резко поворачивать руль французской внешней политики. Как и его предшественники, он намеревался действовать в рамках модели коллективной безопасности, однако считал взаимопонимание с Берлином и Римом ее неотъемлемым элементом. Восточный пакт он планировал превратить в коллективное соглашение о ненападении при сохранении советско-французского гарантийного договора, что, во многом, выхолащивало его смысл (Narinski et al., 2005, с. 48).

Подобный поворот не устраивал ни советскую дипломатию, ни страны Малой Антанты. Марсельское убийство привело к резкому росту

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 86. Л. 89.

напряженности между балканскими странами и Италией. На этом фоне Лаваль в начале января 1935 г. отправился с визитом в Рим, где подписал ряд соглашений, в том числе заявление в поддержку суверенитета Австрии путем заключения серии договоров о ненападении между государствами Центральной Европы, вернувшись, таким образом, к идее Дунайского пакта (Duroselle, 1979, сс. 132–133). На фоне реверансов в сторону Берлина эти договоренности выглядели как попытка вернуться к «пакту четырех». Советский полпред в Париже В. П. Потемкин сразу усмотрел здесь попытку подменить Восточный пакт другим договором, который исключал бы Советский Союз.¹⁷ На начало февраля намечались франко-британские переговоры в Лондоне, в которых к обсуждению в одном блоке были запланированы проблемы германских вооружений и обеспечения безопасности. Лаваль обещал, что «ни на какие соглашения не пойдет с Германией [...], не добившись Восточного пакта»,¹⁸ однако Потемкин ему не доверял.

В странах Малой и Балканской Антант соглашения, заключенные Лавалем и Муссолини, вызвали тревогу. Правительства этих государств опасались, что им будет отведена роль разменной монеты. 13 и 18 января на встречах с Лавалем в Женеве, на которых присутствовал и советский нарком Литвинов, главы МИД Балканской Антанты резко критиковали Лавалья за его политику в отношении Италии. Лаваль был вынужден заявить, что Франция будет содействовать улучшению отношений между Италией и странами Балканской Антанты. Представители Малой и Балканской Антант требовали от Лавалья ускорить переговоры о Восточном пакте (Рябокоть, 1978, с. 63). Ситуация в треугольнике «СССР – Франция – Малая Антанта» возвращалась в реалии 1933 г. Попытка Лавалья добиться решения проблемы французской безопасности путем соглашения со всеми центрами силы в Европе, которая могла найти объяснение двумя годами ранее, уже не соответствовала сложившемуся положению дел. Под нажимом обстоятельств в мае 1935 г. он был вынужден подписать советско-французский пакт о взаимопомощи. Но это была лишь тень того, что замыслил в свое время Барту.

Проект общеевропейской системы коллективной безопасности, предложенный французской дипломатией в 1933 г., имел шанс на реализацию только в том случае, если бы он имел перед собой четкую цель и осуществлялся последовательно. При всем дипломатическом политесе, Барту пришел к выводу о том, что ее целью могло являться лишь сдерживание Германии. При четком обозначении цели открывалась возможность снять даже самые глубокие противоречия между потенциальными партнерами

¹⁷ АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 95. Л. 3–4.

¹⁸ ДВП. Т. 18. М., 1973. С. 37.

Проблема безопасности на Балканах в контексте советско-французских переговоров о Восточном пакте (1933–1935 гг.)

по соглашению. Однако любое «усложнение» задачи разрушало общность интересов. Этот тезис находит полное подтверждение в том, как трансформировалась проблема безопасности в балканском регионе в контексте советско-французских переговоров о Восточном пакте.

Источники

- АВПРФ – Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 05. Оп. 14. П. 101. Д. 98. Л. 43–44.
АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 95. Л. 3–4.
ДВП – Документы внешней политики. Т. 15. М., 1969.
ДВП. Т. 17. М., 1971.
ДВП. Т. 18. М., 1973.
Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. (2001). Москва: Российская политическая энциклопедия.
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 86. Л. 89.
Хаустов, В. Н., Наумов, В. П., Плотникова, Н. С. (сост.). (2003). Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. Москва: МФД.
DDF – Documents diplomatiques français. Т. 3. Paris, 1967.
DDF. Т. 4. Paris, 1968.
DDF. Т. 5. Paris, 1970.

Литература

- Айрапетов, О. Р. (2020). *Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны*. Москва: Родина.
Белоусова, З. С. (1976). *Франция и европейская безопасность, 1929–1939*. Москва: Наука.
Вершинин, А. А. (2022). В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско-французского пакта о взаимопомощи (1933–1935 гг.). *Российская история*, 5, 176–194.
Волков, В. К. (1966). *Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты (1933–1938 гг.)*. Москва: Наука.
Дюллен, С. (2009). *Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939*. Москва: Российская политическая энциклопедия; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Животич, А. (2019). *Югославно-советские отношения, 1939–1941*. Москва: Российская политическая энциклопедия.
Кен, О. Н., Рупасов, А. И. (2000). *Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы*.

- Документы. Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г.* Санкт-Петербург: Европейский Дом.
- Пеганов, А. О. (2015). Советско-французские отношения в контексте проектов реорганизации Средней Европы, 1931–1934. *Российские и славянские исследования*, 9, 178–188.. Минск: БГУ.
- Рябокоть, С. И. (1977). Позиция стран Балканской Антанты в период переговоров о Восточном пакте (февраль – октябрь 1934 г.). В: *Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1943 гг.)*, (3–28). Свердловск: Уральский государственный университет.
- Рябокоть, С. И. (1978). Позиция стран Балканской Антанты на заключительном этапе переговоров о Восточном и Дунайском пактах (октябрь 1934 – май 1935). *Балканы и Ближний Восток в новейшее время*, 7, 57–71. Свердловск: Уральский государственный университет.
- Савинова, А. Г. (2019). Проект Средиземноморского пакта в политике министра иностранных дел Франции Луи Барту (февраль – октябрь 1934 г.). *Вестник Московского университета. Серия. 8. История*, 4, 83–97.
- Улунян, А. А. (1997). *Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919–1938 гг.* Москва: Институт всеобщей истории РАН.
- Чубарьян, А. О. (отв. ред.) (1992). *Европа между миром и войной*. Москва: Наука.
- Aganson, O. (2020). The Versailles Order and Perplexities of the Comintern's Policy in the Balkans in the 1930s: Departure from the World Revolution. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 22(2), 5–7.
- Allain, J. C. (2000). La France et les Balkans pendant l'entre-deux-guerres (1920–1938). *Relations Internationales*, 103, 351–359.
- Dessberg, F. (2009). *Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles: Peter Lang Verlag.
- Duroselle, J. B. (1979). *La Décadence, 1932–1939*. Paris: Imprimerie Nationale.
- Narinski, M., Du Réau, E., Soutou, G. H., Tchoubarian, A. (red.). (2005). *La France et l'URSS: dans l'Europe des années 30*. Soutou G. H. Les relations franco-soviétiques, 1932–1935. Paris: Sorbonne PUPS.
- Wandycz, P. (1988). *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland*. New Jersey: Princeton University Press.
- Young, R. J. (1991). *Power and Pleasure: Louis Barthou and the Third French Republic*. Montreal: McGill-Queen's University Press.

Alexander ALEXANDROVICH VERSHININ

Lomonosov Moscow State University

Faculty of History

The Issue of Security in the Balkans in the Context of the Soviet-French Negotiations on the Eastern Pact (1933–1935)

Summary

The author argues that the Balkans, although not a direct participant in the negotiations on the Eastern Pact between the USSR and France in 1933–1935, played an important role in its final realization. Paris considered the Balkans the cornerstone of a complex system of collective security, ensuring the interconnection of its Mediterranean and Eastern European zones. Moscow saw the Balkan region as a potential door for anti-Soviet intervention and was interested in strengthening its positions there by penetrating the French system. At the same time, the normalization of relations between the USSR and the Balkan countries enabled the Soviet leadership to exert diplomatic pressure on France. By the end of 1933, both sides found a mutually acceptable scenario of diplomatic rapprochement, which made it possible to plan the long-term stabilization of relations in Eastern and South-eastern Europe in 1934. However, the murder of J. L. Barthou in October 1934, as well as the new course of his successor, prevented the successful completion of the process, although it enabled the USSR to gain diplomatic recognition from a number of Balkan states.

Keywords: Eastern Pact; 1935 Franco-Soviet Treaty of Mutual Assistance; Little Entente; Balkan Pact; M. M. Litvinov; J. L. Barthou; collective security.

Овај чланак је објављен и дистрибуира се под лиценцом *Creative Commons ауторско-некомерцијално 4.0 међународна* (CC BY-NC 4.0 | <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

This paper is published and distributed under the terms and conditions of the *Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International* license (CC BY-NC 4.0 | <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).